

Издательство
АСТ

РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

Роман

Москва
Издательство АСТ
2021

УДК 821.111-053.2
ББК 84(4Вел)-44
С80

Перевод с английского *Н. Чуковского*

Серийное оформление и дизайн обложки *А. Фереца*

Рисунок на обложке *К. Ли*

Стивенсон, Роберт Льюис.

С80 Остров сокровищ : роман / Р.Л. Стивенсон ; [пер. с англ. Н. Чуковского]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 285, [3] с.

ISBN 978-5-17-096862-6

(Классика для школьников)

ISBN 978-5-17-096864-0

(Школьное чтение)

«Остров сокровищ» (1883) — самый известный приключенческий роман знаменитого шотландского писателя, поэта и путешественника Роберта Льюиса Стивенсона (1850–1894).

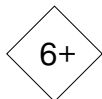
«Остров сокровищ» — книга о пиратах, которые ищут сокровища, накопленные и спрятанные знаменитым пиратом Флинт на далеком необитаемом острове. Благородство и великодушие героев противостоят в романе злу, насилию и коварству пиратов.

Для детей среднего школьного возраста.

УДК 821.111-053.2

ББК 84(4Вел)-44

ЕАС

© Перевод Н. Чуковский, насл., 2021

© Ил. на обл. К. Ли, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

МОЯ ПЕРВАЯ КНИГА «ОСТРОВ СОКРОВИЩ»

В сущности, это была вовсе не первая моя книга, ведь я пишу не только романы. Однако я прекрасно понимаю, что мой казначей, его величество читатель, на все прочее, написанное мною, взирает равнодушно, чтоб не сказать неприязненно. Он признает меня не иначе как в моем единственно привычном и незыблемом качестве; и когда меня просят рассказать о первой моей книге, совершенно очевидно, что подразумевается мой первый роман.

Рано или поздно мне суждено было написать роман. Почему? Праздный вопрос. Люди появляются на свет с различными странностями, — с юных лет моей страстью было придумывать и связывать воедино несуществующие события; едва я обучился писать, как стал верным другом тех, кто делает бумагу. Бессчетные кипы ушли, должно быть, на «Ратиллета», «Пентландское

восстание»*, «Королевскую амнистию» (иначе: «Парк Уайтхед»), «Эдварда Даррена», «Контрданс» и «Западную вендетту»; утешительно вспоминать, что все они ныне обратились в пепел и преданы матери-земле. Я назвал только немногие из бесчисленных своих опытов, а именно те, которые достигли солидного объема, прежде чем были отринуты; но даже и они заняли долгие годы. «Ратиллет» был начат, когда мне было пятнадцать, «Вендетта» — в двадцать девять, и неудачи тянулись непрерывной чередой, пока мне не исполнился тридцать один год. К этому времени я успел стать автором небольших книжечек, коротеньких эссе, рассказов; меня похлопывали по плечу и платили, но слишком мало, чтоб на то прожить. Я составил себе имя. Я попал в разряд преуспевающих. Я проводил дни свои в трудах, тщетность которых порою заставляла меня краснеть, ибо я, взрослый мужчина, отдавал этому делу все силы и все-таки не мог заработать на жизнь; и по-прежнему сияла предо мною неосуществленная мечта. Раз десять, а то и больше принимался я за дело, притом весьма горячо, и все-таки еще не написал романа. Все — все они, мои красавчики, какое-то время подвигались

* *Ne pas confondre* — не путать (*фр.*). Не ту тоненькую брошюрку с именем Эндрю Элиота на титульном листе, которую (как я с изумлением вижу по книжным реестрам) английские господа согласны покупать по баснословной цене, — но предшественника ее, объемистый исторический роман без тени каких-либо достоинств, ныне ввергнутый в небытие. — *Примеч. авт.*

вперед, а потом вдруг останавливались, неминуемо, как часы у школьника. Я походил на многоопытного игрока в крикет, который, однако же, ни разу не выиграл ни одной партии. Рассказ — я хочу сказать, плохой рассказ — может написать всякий, у кого есть усердие, бумага и досуг, но далеко не всякому дано написать роман, хотя бы и плохой. Размеры — вот что убивает. Признанный романист может позволить себе начать книгу, затем отложить ее, потратить не один день впустую, написать и тотчас с легкой душой вымарать написанное. Иное дело новичок. У человеческой природы есть свои законы; чувство самосохранения не позволит человеку (если только его не обнадеживает, не воодушевляет ранее одержанная победа) терпеть муки бесплодных писательских усилий дольше двух-трех недель. Что-то должно питать его надежду. Даже чтоб взяться за перо, нужно счастливое наитие, удачная полоса, одна из тех минут, когда слова сами собой идут на ум и складываются в предложение. А раз начав, с каким душевным трепетом глядишь вперед, пока не кончена книга! Удержится ли счастливое наитие, удачная полоса; сумеешь ли сохранить единый стиль, останутся ли твои куклы живыми, естественными, выразительными?.. Помнится, я в те дни смотрел на всякий роман в трех томах с неким благоговением, как на подвиг, пусть даже не литературный, но, во всяком случае, подвиг физической и нравственной выносливости и отваги, достойной Аякса.

В тот знаменательный год я приехал погостить к своим родителям в Киннерд, над Питлохри. Я бродил по рыжим торфяникам, по берегам золотистого ручья. Первозданный, чистый воздух родимых гор вселял в нас если не вдохновение, то воодушевление, и мы с женой задумали написать вдвоем книгу рассказов о домовых и леших, для которой ею написана была «Тень на постели», а мною — «Окаянная Дженет» и первоначальный вариант «Веселых Молодцов». Я люблю воздух родины, но без взаимности; и завершилось это блаженное время простудой, шпанскою мушкой и переселением в бремерский Каслтон через Стретэрди и Гленши. Там дули ветры и соответственно лили дожди. Воздух на моей родине злее неблагодарности людской, и я был принужден значительную часть времени проводить в четырех стенах «дома покойной мисс Макгрегор» — так зловеще именовалось мое жилище. А теперь полюбуйтесь, что вытворяет провидение! В дом покойной мисс Макгрегор приехал на каникулы школьник, который жаждал найти себе какое-нибудь занятие, чтоб было над чем поломать голову. О сочинительстве он не помышлял; он отдал мимолетное свое предпочтение искусству Рафаэля и с помощью пера, чернил и коробки акварельных красок, купленной за один шиллинг, он живо обратил одну из комнат в картинную галерею. Моею непосредственной обязанностью было принимать в галерее посетителей; порой, однако, я позволял себе снизойти с моих высот, встать (образно гово-

ря) рядом с художником у мольберта и провести полдня в благородном соперничестве с ним, маляя картинки. Так однажды я начертил карту острова; она была старательно и (на мой взгляд) красиво раскрашена; изгибы ее необычайно увлекли мое воображение; здесь были бухточки, которые меня пленяли, как сонеты. И с бездумностью обреченного я нарек свое творение «Островом Сокровищ». Я слышал, бывают люди, для которых карты ничего не значат, но не могу себе этого представить! Имена, очертания лесов, направление дорог и рек, доисторические следы человека, и ныне четко различимые в горах и долах, мельницы и развалины, водоемы и переправы, какой-нибудь «Стоячий валун» или «Кольцо друид» посреди вересковой пустоши — вот неисчерпаемый клад для всякого, у кого есть глаза и хоть на грош воображения. Кто не помнит, как ребенком зарывался лицом в траву, вглядывался в дебри этого крохотного леса и видел, как они наполняются волшебными полчищами!

То же примерно произошло со мной, когда я уронил задумчивый взгляд на карту своего «Острова Сокровищ» и среди придуманных лесов зашевелились герои моей будущей книги. Загорелые лица их и сверкающее оружие высывались из самых неожиданных мест; они сновали туда и сюда, сражались и искали сокровище на нескольких квадратных дюймах плотной бумаги. Я не успел опомниться, как передо мною очутился чистый лист, и я составлял перечень глав. Сколько раз уже было так, и на том дело кончалось! Прав-

да, здесь кое-что сулило удачу. Это будет книга для мальчишек; стало быть, не потребуется ни психологии, ни изощрений в стиле; а тут и мальчик был под боком, чтоб послужить мне пробным камнем. Женщин не будет. С бригом (а «Испаньоле» по-настоящему полагалось быть бригом) мне было не управиться, но я полагал, что сумею избежать публичного позора, если пущусь в плавание на шхуне. К тому же мне пришла в голову одна мысль насчет Джона Сильвера, которая обещала доставить немало забавных минут: взять одного своего приятеля, которого я очень любил и уважал (читатель, очень может статься, знает и любит его не меньше моего), откинуть его утонченность и все достоинства высшего порядка, ничего ему не оставить, кроме его силы, храбрости, сметливости и неистребимой общительности, и попытаться найти им воплощение где-то на уровне, доступном неотесанному мореходу. Подобного рода психологическая хирургия, я думаю, — достаточно распространенный способ «созидания образа»; пожалуй, даже и единственный. Можно вставить в книгу занятого прохожего, с которым перекинулся накануне десятком фраз на улице, но что мы о нем знаем? Друга во всем бескрайнем многообразии и переменчивости его натуры мы знаем, но можем ли мы вставить его в книгу? Первого должно наделить побочными, надуманными качествами, возможно, вовсе ему не свойственными; от второго надо отсесть и отбросить ненужные нам ответвления его личности; зато по крайней мере мы можем быть уверены,

что ствол и немногие оставшиеся ветви нас не подведут.

Промозглым сентябрьским утром — веселый огонек горел в камине, дождь барабанил в оконное стекло — я начал «Судового повара» — так сперва назывался роман. Я начинал (и кончил) много книг на своем веку, но не припомню, чтобы хоть за одну из них садился в столь безмятежном расположении духа. Оно и не удивительно: недаром говорится, что краденое яблочко всегда слаще. Я вынужден коснуться сейчас щекотливого предмета. Да, несомненно, попугай принадлежал когда-то Робинзону Крузо. Да, скелет, несомненно, заимствован у По. Но не они меня тревожат: это все мелочи, ничтожные пустяки; никому не позволено присваивать себе исключительное право на скелеты или объявлять себя единовластным хозяином всех говорящих птиц. Частокол, как утверждают, взят из «Мичмана Риди». Пусть так, мне совершенно все равно. Достойные писатели эти лишь оправдали слова поэта: удалясь, они оставили после себя

Следы на вечности песках,

Следы, по коим, может быть, другой... —

вот я и оказался тем другим! Нет, мою совесть мучит лишь долг перед Вашингтоном Ирвингом, и не напрасно, ибо, по-моему, нечасто встретишь столь очевидный плагиат. Несколько лет назад в поисках чего-нибудь подходящего для антологии прозы случилось мне открыть «Рассказы путе-

шественника», и вдруг строчки заплясали у меня перед глазами. Билли Бонс, его сундук, общество, собравшееся в трактире, весь внутренний дух и изрядная доля существенных подробностей первых моих глав — все было тут, и все было собственностью Вашингтона Ирвинга. Но в те часы, когда в приливе вдохновения, несколько заземленного, пожалуй, я сидел у камелька и писал, я не догадывался об этом; не догадывался и потом, когда день за днем после второго завтрака читал в кругу семьи то, что написал за утро. Все это мне казалось первородным, как грех; все принадлежало мне столь же неоспоримо, как мой правый глаз. Я рассчитывал, что слушать будет один школьник; я обнаружил, что их два. Отец мой загорелся тотчас всею силой своей романтической, ребячливой и самобытной души. Ведь и его собственные истории, которые он каждый вечер рассказывал себе на сон грядущий, все неизменно были о парусниках, придорожных кабачках, разбойниках, старых матросах и бродячих торговцах тех времен, когда на свете не было еще паровой машины. Он ни одной из них не досказал до конца — счастливец, ему в том не было нужды! Но в «Острове Сокровищ» он учуял нечто родственное ему по духу; это была его стихия; мало того, что он каждый день выслушивал с восторгом новую главу, он стал моим рьяным сотрудником. Когда настало время перерыть сундук Билли Бонса, он чуть не целый день просидел, составляя на конверте делового письма опись его содержимого, которой я неукоснитель-

но придерживался, и это по его настоятельной просьбе «старый корабль Флинта» был окрещен «Моржом». А тут, словно *Deus ex machina**, к нам нагрянул — кто бы вы думали? Сам доктор Джэпп — нежданно-негаданно, подобно переодетому принцу, которому назначено под занавес, в последнем действии принести мир и благоденствие, он приехал и привез в кармане — не рог изобилия, не талисман, а издателя: старинный друг мой мистер Гендерсон, оказывается, поручил подыскать новых авторов для юношеского журнала «Янг Фолкс». Навязать нашему гостю жалкие огрызки «Судового повара» было бы столь крайней мерой, что на нее не отважилось даже беспощадное в своей сплоченности семейство, а между тем мы и мысли не допускали о том, чтоб приостановить наши чтения, и потому ради доктора Джэппа повесть была вновь торжественно перечитана с начала. С того самого мгновения и по сей день я высоко ценю его критический дар, ибо, покидая нас, он увозил рукопись в чемодане.

Итак, у меня было все, что нужно, чтоб поддержать во мне бодрость духа: сочувствие, помощь, а теперь еще и твердая договоренность с издателем. Мною был избран к тому же очень легкий стиль. Сопоставьте его с «Веселыми Молодцами», написанными почти одновременно; кто-то отдаст предпочтение одному стилю, кто-то другому — это дело вкуса, настроения, пожалуй, но

* Букв.: Бог из машины (*лат.*).

никакой ценитель не может не заметить, что один соблюдать труднее, другой — гораздо легче. Казалось бы, ты зрелый, опытный литератор, пиши себе свой «Остров Сокровищ» по столько-то страниц в день и живи припеваючи! Но увы! Мне суждено было иное. Пятнадцать дней я держался и сделал пятнадцать глав; но потом, на первых же абзацах шестнадцатой, позорно споткнулся. Уста мои были немые; в груди — ни слова более для «Острова Сокровищ», а в гостинице «Рука и копье» меня уже дожидались гранки первых глав! Там я и правил их, живя большею частью один, разгуливая росными осенними утрами по вересковой пустоши за Вейбриджем, изрядно довольный тем, что мною сделано, и невыразимо подавленный тем, что еще сделать предстоит. Мне минул тридцать один год, я был глава семейства; я успел лишиться здоровья; я еще никогда не жил без долгов, ни разу не доводилось мне заработать двести фунтов в год; совсем недавно отец мой выкупил у издателя мою книгу и погасил неустойку; неужто и этой суждено стать еще одной, последней неудачей? По правде сказать, я был близок к отчаянию; однако стиснул зубы и нашел в себе достаточно решимости, чтобы по пути в Давос, где мне предстояло провести зиму, думать о другом и с головою погрузиться в романы мсье дю Буагобэ. Прибыв на место, сел я как-то утром за неоконченную книгу, и — о диво! — слова так и полились, точно в пустой, незначащей беседе; и на второй волне счастливого вдохновения, вновь подвигаясь с каждым днем

на целую главу, я закончил «Остров Сокровищ». Силою обстоятельств совершалось это едва ли не тайком. Жена моя была больна, в рядах при-спешников остался только школьник, а Джон Аддингтон Саймондс (которому я робко заикнулся о том, чем занимаюсь) косился на меня с неодобрением. Ему в ту пору очень хотелось, чтобы я писал о «Характерах» Теофраста — столь ошибочны бывают порой суждения разумнейших из людей. Впрочем, Саймондс, правду сказать, едва ли подходил для роли наперсника, способного со-чувственно отнестись к книге для мальчишек. Это был человек широких взглядов, большой книгочей, однако уже сама затея моя должна была навести его на мысль о сделках с искренностью и погрешностях в стиле. Что ж, он был не-далек от истины.

«Остров Сокровищ» — первоначальное загла-вие, «Судовой повар», было отвергнуто мистером Гендерсоном — надлежащим образом вышел в журнале, затерялся на его малопочтенных поло-сах без всяких иллюстраций и не привлек ни ма-лейшего внимания. Мне было все равно. Самому мне эта вещь нравилась и в основном по той же причине, по какой моему отцу понравилось нача-ло: это была моя стихия. К тому же я немало гордился Джоном Сильвером, мне и поныне вну-шает своеобразное восхищение этот велеречивый и опасный авантюрист. И, что тысячу раз заме-чательней, я перешел Рубикон: я завершил пове-ствование и написал на своей рукописи слово «Конец», чего со мной не случалось со времени